

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Лысиковой Ирины Васильевны «Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Актуальность темы диссертационного исследования Лысиковой Ирины Васильевны не вызывает сомнений. Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в современной лингвистике, обусловила пристальный интерес к изучению языка в неразрывной связи с его носителем – человеком, рассматриваемым сквозь призму сознания, культуры и социальных практик. Гендерная лингвистика и социолингвистика, активно развивающиеся в последние десятилетия, накопили значительный корпус знаний о том, как язык отражает и конструирует представления о мужественности и женственности. Однако, как справедливо отмечает диссертант, большинство гендерных исследований выполнено на материале литературного языка, тогда как субстандартная лексика, представляющая собой наиболее динамичный, экспрессивный и эмоционально насыщенный пласт языка, остаётся недостаточно изученной в гендерном аспекте, особенно в сопоставительном ключе на материале разноструктурных языков. Цифровизация общества, демократизация языковых исследований и возрастающий интерес к неинституциональным формам коммуникации делают изучение субстандарта как средства репрезентации гендерных отношений особенно востребованным. Выбор английского и русского языков для сопоставительного анализа представляется удачным, поскольку они принадлежат к разным языковым группам и отражают различные культурные модели гендерного взаимодействия. Актуальность работы определяется также обращением к современному медийному дискурсу (материал стендап-шоу 2023–2025 годов), что позволяет проследить актуализацию гендерных стереотипов в реальной коммуникации.

Научная новизна диссертационного исследования не вызывает сомнений и заключается в том, что автором впервые предпринята попытка комплексного сопоставительного анализа субстандартной лексики английского и русского языков именно как средства репрезентации гендерных отношений. Ранее подобные исследования либо фокусировались исключительно на системно-языковых характеристиках субстандарта, либо рассматривали гендерную проблематику преимущественно на материале литературного языка. Диссертантом предложена иерархическая классификация гендерно-маркированной субстандартной лексики, включающая три тематические группы и десять лексико-семантических групп, что позволило систематизировать обширный эмпирический материал (более 6400 единиц). Особого внимания заслуживает то, что исследование выходит за рамки традиционного лексикографического анализа: введённый в научный оборот корпус субстандартной лексики дополнен анализом её актуализации в современном медийном дискурсе (на материале стендап-шоу 2023–2025 годов), что позволило выявить не только системные, но и динамические аспекты функционирования гендерных стереотипов в реальной коммуникации. Кроме того, впервые в сопоставительном аспекте описаны национально-специфические механизмы конструирования образов мужчины и женщины, а также установлены как универсальные, так и культурно-обусловленные модели гендерной объективации и стигматизации, что существенно обогащает представления о лингвокультурной специфике англоязычного и русскоязычного субстандарта.

Теоретическая значимость выполненного исследования видится, прежде всего, в его междисциплинарном характере, позволяющем интегрировать достижения гендерной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и сопоставительного языкознания. Диссертантом существенно уточнено понимание того, как именно субстандартная лексика участвует в конструировании, поддержании и трансляции гендерных стереотипов. Работа вносит вклад в развитие теории языковой картины мира,

демонстрируя, что субстандартный пласт языка является значимым источником сведений о коллективных представлениях о мужественности и женственности, причём эти представления не всегда совпадают с нормативными литературными образцами. Разработанная автором классификация и алгоритм контрастивного анализа могут быть экстраполированы на исследование других пластов лексики, что придаёт работе методологическую ценность. Кроме того, в диссертации обоснован гендерный маркер как релевантный параметр лексикографической стратификации, что расширяет представления о критериях выделения и классификации субстандартных единиц. Важным теоретическим результатом является также выявление системы лакун и асимметрий в номинации лиц женского и мужского пола, что позволяет по-новому взглянуть на проблему языкового неравенства и его культурных оснований.

Практическая значимость исследования определяется широким спектром возможностей применения полученных результатов в прикладных лингвистических задачах. Систематизированный и детально проанализированный корпус гендерно-маркированной субстандартной лексики, содержащий сведения о значениях, коннотациях и стилистических пометах, может служить надёжной базой для составления и дополнения специализированных словарей – как словарей субстандарта, так и словарей, фиксирующих гендерные стереотипы и культурные коды. Материалы исследования могут быть востребованы в области автоматической обработки естественного языка и сентимент-анализа: размеченные с учётом гендерного маркера и оценочной нагрузки лексические единицы могут быть интегрированы в лингвистические базы данных и использоваться для задач тональной классификации текстов. Помимо этого, результаты работы могут найти применение в преподавании ряда лингвистических дисциплин – лексикологии, сопоставительной лингвистики, гендерной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики и теории межкультурной коммуникации – в качестве иллюстративного и аналитического материала. Не

менее значимым представляется и практический вклад в область медиааналитики: выявленные закономерности употребления субстандартной лексики в стендап-дискурсе могут быть использованы для мониторинга и критического анализа гендерных стереотипов в современном медийном пространстве.

Достоверность полученных результатов обеспечивается репрезентативным объёмом эмпирического материала (6481 субстандартная лексическая единица, из них 3422 в английском языке и 3059 в русском), привлечением различных лексикографических источников (10 словарей субстандартной лексики английского и русского языков), анализом значительного объёма медийного дискурса (172 выпуска стендап-шоу общей продолжительностью более 7700 минут), а также применением комплекса методов, адекватных поставленным задачам: метода направленной выборки, описательно-аналитического метода, сравнительно-сопоставительного метода, количественного подсчёта, методов семантического анализа (компонентный, контекстуальный, анализ метафорических моделей), метода критического дискурс-анализа и метода семантической интерпретации. Полученные выводы логично вытекают из проанализированного материала и не вызывают сомнений.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, следует признать высокой. Структура работы логична и последовательна: в первой главе рассматриваются теоретические предпосылки исследования (история гендерной лингвистики, специфика субстандартной лексики, особенности репрезентации гендерных отношений в семантике единиц данной группы лексики); во второй главе проводится практический анализ субстандартных единиц из лексикографических источников с детальной классификацией отобранного материала; в третьей главе осуществляется дискурсивный анализ актуализации гендерно-маркированной лексики в англоязычном и русскоязычном медийном пространстве. Заключение обобщает основные

результаты исследования. Положения, выносимые на защиту (их шесть), отражают ключевые результаты работы, последовательно обоснованы в соответствующих главах и в целом не вызывают возражений. Диссертантом убедительно доказано, что субстандартная лексика, выступающая средством репрезентации гендерных отношений, обладает как универсальными (андроцентризм, зооморфная метафоризация, бинарные оппозиции, системная объективация женщины), так и национально-специфическими особенностями, наиболее ярко проявляющимися в условиях медийного дискурса.

Все положения, вынесенные на защиту, получили достаточное обоснование в работе и отражают научную новизну проведённого исследования:

- положение 1 получило убедительное обоснование в теоретической части работы, где субстандарт охарактеризован как неcodифицированная, стилистически сниженная и эмоционально нагруженная подсистема языка, наиболее чутко реагирующая на социальные изменения;

- положение 2 обосновывает разработанную классификацию субстандартных лексических единиц, которая детально представлена во второй главе и подтверждена анализом 6481 единицы, её обоснованность не вызывает сомнений;

- положение 3 акцентирует внимание на универсальных и национально-специфических особенностях структурно-семантических характеристик гендерно-маркированной субстандартной лексики в английском и русском языках, что убедительно подтверждено в работе сравнительным анализом количественных и качественных данных по каждой лексико-семантической группе;

- положение 4 посвящено специфике проявления культурно обусловленной дифференциации репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков, что последовательно

раскрывается в сравнительно-сопоставительных разделах второй и третьей глав;

– положение 5 обосновывает зависимость выбора анализируемых субстандартных единиц от коммуникативных стратегий говорящего – данный вывод основан на обширном анализе материалов стендап-шоу и показывает, что в английском медиадискурсе преобладает стратегия критической деконструкции патриархальных стереотипов, а в русском – стратегия иронической нормализации;

– положение 6 интегрирует результаты всего исследования и подводит итог сравнительному анализу.

Вместе с тем, при всех отмеченных выше достоинствах рецензируемого диссертационного исследования, позволю высказать несколько замечаний и задать ряд вопросов.

1. Выделение лексем, репрезентирующих гендерные отношения, из лексикографических источников, безусловно, является сложной задачей. Диссертант указывает, что отбор субстандартных лексических единиц (далее СЛЕ) осуществлялся методом направленной выборки из 10 словарей. Однако не совсем ясно, как осуществлялась выборка, по каким критериям (не все единицы из указанных словарей представлены в работе, например, отсутствуют *петрушка*, *пекарь*, *пельмень* и др. (примеры из ТСМС)), и каким именно образом определялась гендерная маркированность единицы: по прямой дефиниции, по грамматическому роду (в русском языке), по контекстным примерам или по совокупности признаков? Это принципиально важно, поскольку в субстандарте многие единицы (например, «dumpling», «башмак») могут применяться к лицам обоих полов, но с разной частотностью и коннотацией. Как диссертант разграничивает случаи, когда лексема жестко закреплена за определенным гендером, а когда она является потенциально гендерно-нейтральной, но преимущественно употребляется в отношении мужчин или женщин? Какие критерии использовались для отнесения амбивалентных номинаций к женскому или мужскому полу?

2. Во второй главе работы автор приводит СЛЕ из лексикографических источников, сопровождая их комментарием. Однако данный комментарий не всегда точен. Например, в английском языке в ЛСГ «финансовое положение» включена единица *BRIEFCASE* с базовым семантическим признаком «богатство», диссертант утверждает, что «данная СЛЕ используется для описания мужчины как успешного бизнесмена, у которого всегда при себе портфель с деньгами...» (с. 105). Однако согласно словарю, из которого и взята данная номинация, смысл не в богатстве, а в обезличенности, в том, что человек воспринимается как часть безликой корпоративной машины, свидетельством служит приводимая в словаре иллюстрация: «*The briefcases stood at attention and took shit, then left*» («„Портфели“ стояли по стойке смирно, терпели всё это, а потом ушли») – речь здесь идет не о деньгах и богатстве, не об успешности, а о обезличенности офисных сотрудников («офисный планктон»), рутине. Соответственно вопрос: чем руководствовался диссертант при толковании номинаций?

3. При характеристике субстандартной лексической единицы автор выделяет три макрокомпонента в их семантической структуре (сигнификативно-денотативный, коннотативный, национально-культурный) и подчёркивает доминирование коннотативного компонента, указывая, что он представляет собой системообразующее ядро, т.е. является главным компонентом структуры (с. 40–41). Однако при анализе конкретных СЛЕ в работе акцент зачастую смещен на денотативную отнесенность (например, «женщина – сексуальный объект») и метафорическую модель (гастрономическая, зооморфная), тогда как собственно коннотативный анализ (эмоциональные оттенки, градуированность оценки, имплицитные смыслы) представлен менее системно. Почему в работе не дается классификация типов коннотаций (пейоративная, мелиоративная, амбивалентная) или шкала оценочной интенсивности для более тонкого различения близких по денотату, но разных по коннотации единиц?

4. Выбор стендап-шоу в качестве источника медийного дискурса безусловно оправдан, однако стендап – это все-таки не «спонтанная речь» в строгом смысле слова, а тщательно отрепетированный, драматургически выстроенный монолог. Комики нередко намеренно гиперболизируют гендерные стереотипы для достижения комического эффекта, причём эта гиперболизация может не совпадать с повседневным использованием субстандартной лексики. Учитывал ли автор этот фактор при интерпретации результатов (речь идет об отдельных употреблениях СЛЕ в стендапе, когда они отражают не столько узуальные гендерные стереотипы, сколько специфическую комедийную риторiku, которая может искажать реальную картину употребления)? И почему для анализа взяты именно приведенные примеры? Автор пишет, что анализировал «наиболее актуальные лексемы» (с. 148). А чем определялась их актуальность? Не всегда понятен выбор примеров. Так, в качестве единиц субстандартной лексики приводятся: *Я всегда завидовала девушкам с пышными формами...* (с. 190); *Я не богачка, я такая же, мне тоже дорого* (с. 197); *Мой муженёк думает, что он главный в доме; Ну, думаю, сейчас я тебе покажу, кто в доме хозяин!* (жена – о муже, с. 201), причем автор подчеркивает, что эти единицы отсутствуют в словарях субстандартной лексики. Но они и не относятся к таковой, поскольку являются литературными, либо разговорно-литературными. И единицы типа «богачка» также не могут быть сюда включены, это не собственно гендерные отношения, а обозначение женского и мужского рода (ср. *богач* – *богачка*, *бедняк* – *беднячка* и т.п.).

5. В третьей главе диссертант приходит к важному выводу о том, что в англоязычном медиадискурсе преобладает стратегия критической деконструкции патриархальных стереотипов, тогда как в русскоязычном – стратегия иронической нормализации. Однако в работе не приводится чёткого определения этих стратегий и не описываются критерии их разграничения. Какие именно языковые и коммуникативные признаки позволяют квалифицировать употребление той или иной СЛЕ как

«деконструкцию», а какой – как «нормализацию»? Является ли такое разграничение исключительно интенциональным (зависит от намерений комика) или же оно может быть выявлено на основе формальных языковых показателей?

Приведем также несколько замечаний:

– опираясь на различные точки зрения, в первой главе автор дает довольно широкое определение субстандартной лексики. На наш взгляд, все-таки целесообразно было бы внутри этого обширного пласта разграничить разговорно-литературные единицы и откровенно сниженные, вульгарные номинации (ср.: *хозяин, муженек, богачка и чувиха, давалка, фуфло*), а не ставить их в один ряд;

– картотека, собранная автором, содержит значительный объём эмпирического материала. На наш взгляд, целесообразно было бы часть примеров вынести в Приложение, чтобы данный объем был наглядным, а в основном тексте оставить наиболее репрезентативные с кратким авторским комментарием.

Высказанные вопросы и замечания носят дискуссионный характер, не затрагивают основных концептуальных положений работы и не снижают общей высокой оценки диссертационного исследования.

Диссертация представляет собой научный труд, в котором поставлен и успешно решён ряд актуальных для сопоставительной лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики и лингвокультурологии задач. Работа отличается логичностью построения, ясностью изложения, убедительностью аргументации и глубиной анализа эмпирического материала. Автореферат и публикации по теме исследования полностью отражают содержание диссертации (15 опубликованных статей общим объёмом 6,4 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, что свидетельствует о достаточной апробации результатов исследования).

Личный вклад соискателя состоит в формировании репрезентативной исследовательской выборки (6481 субстандартная лексическая единица),

разработке многоаспектной классификации гендерно-маркированной субстандартной лексики, проведении сравнительно-сопоставительного анализа на двух уровнях (лексикографическом и дискурсивном), а также в получении аргументированных данных о лингвокультурологических и структурно-семантических особенностях репрезентации гендерных отношений в английском и русском субстандарте.

В диссертации Лысиковой Ирины Васильевны рассматривается актуальная проблема современной лингвистики. Поставленные задачи решены, цель исследования достигнута. Работа отвечает требованиям пп. 9–14, установленным Положением о порядке присуждения учёных степеней, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а её автор, Лысикова Ирина Васильевна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Против включения персональных данных, заключённых в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент
доктор филологических наук (специальность
10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание),
профессор, профессор кафедры русской филологии
и журналистики ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

Милованова Марина Васильевна

400066 г. Волгоград, проспект Университетский, 100
Тел.: 8(8442)46-02-68.
E-mail: mv_milovanova@volsu.ru
17.08.2026.

Милованова И.В.
заверяю
секретарь федерального
агентства по образованию
и науке
Волгоградский государственный
университет
Лисовская Н.В.
17.08.2026